

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи ¹⁾.

Глава X.

Г. Газенпотъ.—Убійство драгуна.—Слѣдствіе.—Арестъ революціонерами помощника начальника уѣзда.—Судъ надъ нимъ и убійство.—Оставленіе казначейства.—Приказъ вернуть его.—Пререканіе раіонныхъ начальниковъ.—Ночной маршъ.—Захватъ Гольдингена.—Начавшіяся убійства.—Депутация отъ города.—Пальба жителей.—Охрана города.—Посолъ въ Либаву.—Своеобразный митингъ.—Уходъ отряда.—Подготовлявшееся нападеніе въ лѣсу.—Обратный маршъ съ милліономъ казенныхъ денегъ.

Газенпотъ (по-латышски Aispute) возникъ въ 1378 году около замка, построеннаго (въ 1249 г.) магистромъ Дидрихомъ фонъ - Гренингеномъ ²⁾ на рѣкѣ Тебберъ. Развалины его довольно хорошо сохранились. Газенпотъ всегда былъ небольшимъ городкомъ. Узкоколейная ж. д. соединяетъ его съ Либавою. Жителей около 4 т.; евреи преобладаютъ 1½ т., латышей 1 т., нѣмцевъ 700, русскихъ 300, остальные — поляки и пр. Мѣстоположеніе красивое—горы, много зелени, самъ городъ чистый, порядочно вымощенъ.

Въ окрестностяхъ Газенпота много большихъ и богатыхъ имѣній съ прекрасными дворцами—замками. Къ памятникамъ старины относятся: въ им. Дзервенъ достопримѣчательныя развалины причудливыхъ каменныхъ построекъ, вполне сохранившійся и обитаемый замокъ Альмвангенъ (1373), епископ-

¹⁾ См. „Русская Старина“, декабрь 1913 г.

²⁾ Гренингенъ, кромѣ Газенпотскаго и Гольдингенсакаго, построили въ 1249 г. замки: Амботенъ—въ самой живописной мѣстности, именуемой Курляндской Швейцарією, и Дондангенъ, отлично сохранившійся до нашихъ дней.

скій в. Нейгаузенъ (1277), прославившійся упорной обороной 1558 г., когда 80 воиновъ и нѣсколько крестьянъ подъ начальствомъ Икскюля 6 недѣль держались противъ огромнаго русскаго войска—Курбскаго и Шуйскаго.

Въ 9 верстахъ отъ города находится богатое имѣніе Кацдангенъ.

Въ первыхъ числахъ декабря толпа вооруженныхъ позднимъ вечеромъ ворвалась въ замокъ; требуя указать спалню барона, желая, вѣрно, свести съ нимъ счеты; но его не было. Тогда злоумышленники потребовали выдачи оружія. Но встрѣтили отпоръ въ лицѣ лакея; въ завязавшейся перестрѣлкѣ былъ послѣдній убитъ, и прибѣжавшій на помощь драгунъ. Неожиданное для злоумышленниковъ появленіе въ комнатѣ еще одного драгуна обратило ихъ въ бѣгство—(драгунъ только и было двое, пріѣхавшихъ незадолго до того).

Два помощника уѣзд. начальника и судебный слѣдователь пріѣхали на слѣдствіе подъ охраною цѣлаго эскадрона—меньшими силами было опасно уже ходить по дорогамъ.

Свидѣтелями убійства были—ключница и служанка. Первая говорила, что помнитъ лишь одного злоумышленника. Такъ какъ думали, что въ числѣ ворвавшихся въ замокъ были и баронскіе батраки, то всѣхъ подозрительныхъ собрали и заставили для опознанія по одному продефилировать предъ ключницей. Дѣвушка пристально всматривалась въ лицо cadaго. Во все время слѣдствія въ комнатѣ толпилось много народа, входилъ по частямъ эскадронъ. Вертѣвшаяся въ ней небольшая собачка, бывшая, какъ оказалось, около лакея во время нападенія, вела себя вполне спокойно. Когда проходили батраки, собачка усѣлась около ключницы, какъ-бы тоже для осмотра. Прошло батраковъ уже болѣе половины (всѣхъ было около 30 ч.), какъ вдругъ собачка вскочила и громко залаяла на входившаго очередного батрака. Всѣ на это обратили вниманіе. Батракъ вышелъ—собака успокоилась. Прошли всѣ. Ключница колебалась—„какъ будто тотъ, на котораго лаяла собачка“, сказала она,—„но боюсь утверждать“. Тогда рѣшили снова заставить батраковъ, еще медленнѣе, пройти черезъ комнату. И едва тотъ же батракъ показался въ дверяхъ, какъ собачка опять бросилась и залаяла. Батрака арестовали; онъ болѣе другихъ былъ смущенъ и путался въ показаніяхъ.

Въ Гольдингенѣ служилъ помощникомъ нач. уѣзда Гуго Робертовичъ Детловскій, человѣкъ въ высшей степени симпатичный, безукоризненно честный. Раньше онъ былъ надзирате-

лемъ въ Якобштадтѣ, потомъ помощникомъ пристава въ Либавѣ и приставомъ въ Митавѣ. Онъ былъ очень дѣятельнымъ, зналъ все, что дѣлалось въ участкѣ.

Когда въ Курляндіи началось движеніе, ему для производства дознаній поручались особенно важныя дѣла, такъ какъ онъ проявлялъ всегда особенную энергію и способности.

Въ Митавѣ одно время полиція выслѣживала важнаго агитатора, котораго никакъ не удавалось, несмотря на всѣ старанія, поймать. Онъ хорошо былъ извѣстенъ въ лицо, безстрашно появлялся на улицахъ, но всякій разъ ловко ускользалъ отъ облавъ и засадъ. Однажды Детловскій замѣтилъ его на улицѣ и, будучи одинъ, бросился его арестовать. Латышъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и направилъ его уже въ Детловскаго, но послѣдній успѣлъ предупредить и, выстрѣливъ раньше, убилъ революціонера наповаль.

Соціалисты приговорили Детловскаго къ смерти и письменно увѣдомили его о томъ. Цѣня и жалѣя его, начальство предложило ему оставить службу, хотя на время. Детловскій отказался. Тогда его перевели помощникомъ нач. уѣзда въ Гольдингенъ. Это уже было значительное повышеніе для такого молодого человѣка, какимъ былъ Детловскій.

Въ Гольдингенѣ, гдѣ мы имѣли возможность близко узнать этого достойнаго человѣка, Детловскій съ обычною энергіею продолжалъ свою дѣятельность. Честно исполняя свои обязанности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ чуждъ всякаго пристрастія и какихъ бы то ни было несправедливостей. И, благодаря этому, благополучно оканчивались многія столкновенія съ толпой,—грозившія при иныхъ обстоятельствахъ завершиться печально. Обыкновенно чины полиціи въ мѣста, гдѣ собирались запрещенные митинги и гдѣ вообще ожидалась безпорядки, ѣздили съ командой драгунъ. Былъ отданъ строжайшій приказъ „разгонять“ скопище силою и даже „уничтожать“. Но Детловскій, не въ ущербъ дѣлу, всего этого избѣгалъ. Революціонеры, проповѣдая справедливость, добиваясь отмены смертной казни, тѣмъ не менѣе не оцѣнили по достоинству благороднаго характера Детловскаго и искали случая его погубить. Детловскаго не разъ предупреждали, что въ Гольдингенѣ являлись командированные Центральнымъ Комитетомъ палачи для приведенія смертнаго приговора въ исполненіе. Но храбрый Детловскій не обращалъ на это вниманія и въ свою очередь охотился на нихъ же. Когда же драгуны и пѣхота покинули Гольдингенъ, надъ головою осужденнаго повисла грозная опасность.

Ему было сдѣлано нами предложеніе уѣхать вмѣстѣ съ солдатами въ Газенпотъ. Детловскій отвѣтилъ пишущему эти строки, что онъ, хотя и ясно сознаетъ безцѣльность дальнѣйшаго пребыванія, такъ какъ исполнять обязанностей онъ уже не можетъ, и предвидитъ, что съ нимъ случится, но поста не покинетъ.

Правда, въ городѣ оставался еще потерявшій всякое значеніе уѣз. начальникъ, (ему опасность не угрожала) и приставъ, чудомъ спасенный послѣ отъ смерти, но Детловскій былъ въ иныхъ условіяхъ. Съ грустью расстались мы съ нимъ, не убѣдивъ его ѣхать. Онъ скоро собирался жениться. И даже это обстоятельство не склонило его на соблазнъ спасти свою жизнь.

Какъ и слѣдовало ожидать, по уходѣ солдатъ, месть социалистовъ прежде всего обрушилась на Детловскаго. Его арестовали; нѣсколько латышей стерегли его, убѣжать было невозможно. Приговоръ не приводился въ исполненіе до полученія распоряженія Либавскаго Центрального Комитета, которому сообщили, что Детловскій находится уже въ ихъ рукахъ. Черезъ нѣсколько дней послѣдовало „предписаніе“ доставить осужденнаго въ Либаву. Зачѣмъ собственно продѣлывалось все это, мы не знаемъ. Надо полагать, что члены комитета желали тѣмъ показать свою власть, обставить „казнь“ торжественно, поглотиться надъ жертвою, помучить,—послѣднее вѣрнѣе всего.

Пока такимъ образомъ „правительства“ Либавское и Гольдингенское „сносились“ между собою, прошло много времени, на пути лежалъ Газенпотъ, а черезъ него небезопасно было пробираться, Детловскій томился подъ стражей. Помощи ожидать онъ ни откуда не могъ. Караульщики знали, конечно, что его ждетъ. Одинъ изъ нихъ, въ сердцѣ котораго социалисты не успѣли убить проблеска порядочности, видимо, сожалѣя Детловскаго, подавая ему револьверъ, посоветовалъ—„лучше застрѣлиться“. Но Гуго Робертовичъ отвѣтилъ, что онъ „трусомъ никогда не былъ“.

Что творилось въ Гольдингенѣ, по отступленіи изъ него войска, вообще и объ арестѣ Детловскаго сдѣлалось извѣстно въ Газенпотъ. Зная о приговорѣ комитета, мы обратились къ начальнику района (потерявшаго уже впрочемъ свой „районъ“) съ просьбою позволить съ 2-мя взводами драгунъ ѣхать освободить Детловскаго. Мы знали, что Гольдингенъ оберегался, что революціонеры опасались „взятія“ его обратно, учились наскоро баррикадировать улицы и пр., рѣшивъ дать отпоръ; тѣмъ

не менѣе у насъ была увѣренность, что планъ освобожденія легко былъ осуществимъ.

Но слѣпой исполнитель мелкихъ предписаній начальства, боясь „ослабить“ гарнизонъ, не позволилъ, мотивируя отказъ „неимѣніемъ права сдѣлать это безъ предписанія“ и, что „опасно“.

Нашелся смѣлый юноша—корнетъ Трофимовъ, который просидѣлъ позволенія ѣхать для той же цѣли освобожденія всего лишь съ нѣсколькими драгунами, но и этотъ благородный порывъ разбился о сухой формализмъ, если не хуже.

И мученическая смерть Детловскаго пусть тяготѣетъ на его совѣсти.

Спустя нѣкоторое время Детловскій увезенъ былъ въ Либаву, конечно, окольнымъ путемъ, черезъ лѣса, минуя Газенпотъ. Приговоръ исполненъ. Детловскій былъ убитъ; при какихъ обстоятельствахъ—неизвѣстно. Его невѣста молила членовъ комитета сказать ей объ участи жениха, но Гольдингенскіе олигархи отозвались незнаніемъ. Послѣ разнесся слухъ, что трупъ бѣдняги Детловскаго съ явными слѣдами издѣвательства [напр., оторваны усы и пр.] нашли брошеннымъ на улицѣ Либавы. Не знаемъ, подтвердился ли онъ. Въ „Düna Zeitung“ (№ 11, 1906 г.) помѣщенъ былъ некрологъ Детловскаго, закончивавшійся такъ: „никогда, вѣрно, не узнаютъ, какъ онъ окончилъ свою жизнь“, „юноши должны брать примѣръ съ этого человѣка, который пожертвовалъ собою на пользу службы“.

Приведенный печальный эпизодъ изъ „курляндской революціи“ можетъ служить иллюстраціей нравовъ „борцовъ за свободу“, а также и жизни города, попавшаго въ ихъ власть.

Въ приказѣ начальникомъ раіоновъ предписывалось, чтобы войска при своемъ отступленіи увезли изъ городовъ управленія воинскихъ начальниковъ, цѣнности казначейства и пр. Сообразивъ заднимъ числомъ, что сдѣлалъ большую оплошность, не сообщивъ о томъ уходившимъ изъ Гольдингена, начальникъ раіона забилъ тревогу. Для исправленія ошибки приходилось командировать туда отрядъ. Но это простое рѣшеніе вопроса показалось ему уже трудно исполнимымъ. Опасался онъ почему-то и за отрядъ, который туда бы пошелъ, и за ослабленный выдѣленіемъ газенпотскій гарнизонъ. Дѣйствительно, изъ Гольдингена смутно доходили вѣсти о какихъ-то воинственныхъ приготовленіяхъ революціонеровъ къ встрѣчѣ могущаго прійти отряда, о какихъ-то пушкахъ. Поэтому экспедиція въ Гольдингенъ была сопряжена съ большимъ рискомъ, чѣмъ оставаться

въ весьма удобномъ для обороны замкѣ. Если бы даже въ Гольдингенѣ казначейство и не было брошено, то все-таки пойти туда отряду слѣдовало бы—появленіе его въ мятежномъ городѣ могло хотя нѣсколько поднять потерянный авторитетъ. Но въ этомъ отношеніи начальство не радѣло, войска бездѣйствовали и ничего не предпринимали противъ шатавшихся въ уѣздахъ вооруженныхъ бандъ. Наоборотъ, извѣстія объ успешныхъ восстаніяхъ въ нѣкоторыхъ городахъ какъ бы заставляли его уклоняться отъ столкновеній. Оно только жадно прислушивалось къ толкамъ о скоромъ приходѣ въ край сильныхъ частей войскъ, о скорой расправѣ съ мятежниками. Прислушивались, но сами ровно ничего не дѣлали. Активнымъ проявленіямъ движенія придавали большое значеніе. Въ Газенпотѣ роты стерегли всѣ входы въ него; даже днемъ стояли еще кругомъ и конные посты. „Главная Квартира“ отряда, помѣщавшаяся въ крѣпчайшемъ замкѣ, охранялась двумя эскадронами и одной ротой. Вокругъ стояли часовые. Словомъ, не будетъ ироніи, если скажемъ, что серьезно побаивались осады. На этотъ случай было отдано приказаніе: ротамъ очистить городъ, отступить въ замокъ. Почти весь отрядъ цѣликомъ шелъ въ нарядъ, солдаты не раздѣвались много уже дней, кое-какъ урывками спали, не выпуская винтовокъ изъ рукъ. Но никакихъ рекогносцировокъ не дѣлалось, и, что творилось въ уѣздахъ, было неизвѣстно. Вслѣдствіе перерыва сообщеній, отрядъ остался безъ руководства, ближайшій же начальникъ ничего не предпринималъ.

Такъ какъ революціонеры, казалось бы, не были столь наивны, чтобы, оставшись хозяевами, не забрать казенныхъ денегъ, хотя-бы „на дѣло агитаціи“, то Гольдингенское казначейство можно было считать потеряннымъ. Винovníку этого грозила серьезная отвѣтственность. — „Еще и пенсіона не дадутъ—выгонять“, трепеталъ раіонный. Онъ расхворался, улегся въ постель, отдавъ приказаніе двумъ эскадронамъ итти въ Гольдингенъ, а ротамъ усиленно охранять „Главную Квартиру“— „а то еще бомбою взорвутъ, такіе-сякіе“! Раіонный большой былъ любитель ругаться. Печальная судьба подп. Миллера не давала ему покойно спать. Но скоро раіонный снова заколебался и, по какимъ-то тамъ соображеніямъ, отмѣнилъ приказаніе итти въ Гольдингенъ. Онъ все опасался, неизвѣстно только за кого...

Между нашимъ раіоннымъ и Либавскимъ шла предъ тѣмъ мелочная пикировка изъ-за вопроса, кому охранять Либ.-Газ. ж. д. Комендантъ крѣпости (онъ и нач. Либав. раіона) вѣжливо

предложилъ возложить это на Газенпотскій отрядъ, мотивируя тѣмъ, что жел. дорога главнымъ образомъ необходима ему же, что слабый для Либавы гарнизонъ не можетъ выдѣлять нужныхъ для этой цѣли командъ. Но районный, усмотрѣвъ въ этомъ какъ-бы умаленіе своей особы, отказалъ. Когда же произошелъ перерывъ въ сообщеніяхъ съ Митавою, то комендантъ Либ. крѣпости объявилъ себя вр. ген.-губернаторомъ, и Газенпотскій отрядъ ему подчинился. Послѣ этого онъ уже поставилъ „на видъ“ начальнику Газенпотскаго отряда его оплошность въ оставленіи казначейства; напоминалъ, что гибель его грозитъ серьезною отвѣтственностью виновному и „предлагалъ“, хотя уже могъ приказывать, попытаться исправить ее.

Колебаться дольше уже было нельзя, и эскадроны получили приказаніе итти въ Гольдингенъ.

Выходъ ихъ былъ обставленъ большою тайною (въ первый разъ кто-то проболтался), слухъ объ экспедиціи пошелъ по Газенпоту. Въ 12 ч. ночи съ двумя помощниками уѣз. начальника, хорошо знавшими окрестности Гольдингена, отрядъ выступилъ. Такъ какъ незамѣтно выйти изъ города было невозможно, то на всякій случай мы пустили слухъ, что эскадроны идутъ въ Виндаву на поддержку тамошняго гарнизона. Для подкрѣпленія этого слуха дѣйствительно свернули на Виндавскую дорогу, хотя это и удлиняло путь.

Начальникъ отряда, составляя планъ экспедиціи, рассчитывалъ прибыть въ Гольденгенъ до разсвѣта. Но бывшая накануне полная оттепель позднимъ вечеромъ внезапно смѣнилась порядочнымъ морозомъ; грязь замерзла острыми комьями и сдѣлала путь необычайно труднымъ; лошади шли съ трудомъ, часто въ темнотѣ спотыкаясь, а предстояло пройти 40 верстъ. При лучшей дорогѣ это разстояніе можно было бы пройти часовъ въ 5. Все-таки отрядъ, несмотря на колоть, шелъ рысью.

Было 3 часа ночи, половина дороги была пройдена. Лошади видимо утомились, ступали неувѣренно—„подбились“ (казенныя лошади на заднія ноги не куются).

Оглянувшись назадъ, мы увидѣли, что въ полуверствѣ около погруженной, повидимому, въ глубокой сонъ корчмы нѣсколько разъ мелькнулъ свѣтъ сильнаго ацетиленоваго фонаря. Скоро подобный же огонекъ засвѣтился и далеко впереди. Несомнѣнно—сигналь о нашемъ движеніи.

Но—это имѣлось въ виду. Эскадроны продолжали еще итти на Виндаву. Скоро же, спустившись съ горы—мѣстность тамъ гористая,—они круто свернули вправо и скрылись въ громад-

номъ лѣсу, тянущемся уже до самаго Гольдингена. Прямая дорога изъ Газенпота, по свѣдѣніямъ, стереглась партією мятежниковъ. Помимо нежеланія вступать съ нею въ столкновение ночью, въ лѣсу, когда всѣ выгоды не на сторонѣ кавалеріи, обходное движеніе имѣло цѣлью войти въ Гольдингенъ неожиданно и не со стороны большой дороги.

Между тѣмъ въ лѣсу пришлось пробираться уже по едва замѣтной въ темнотѣ дорожкѣ. Безчисленные ручейки частью совсѣмъ не замерзли, а частью, какъ и болотистыя мѣста, покрылись ломавшимся льдомъ, немилосердно рѣзавшимъ ноги лошадямъ. Двухъ, не могшихъ уже слѣдовать дальше, пришлось даже бросить. Отсутствіе подводъ давало возможность все-таки, хотя и съ трудомъ, пробираться по этимъ дебрямъ. Но гдѣ еще сравнительно легко шла голова отряда, тамъ его „хвостъ“ проходилъ съ трудомъ — лошади грузли, приходилось дѣлать частыя остановки, чтобы „подтянуться“.

А между тѣмъ небо начало замѣтно свѣтлѣть, звѣзды гаснуть. Приближалось утро. Весь планъ могъ разстроиться. Будь при отрядѣ хотя плохонькое орудіе, примитивныя укрѣпленія при входѣ въ городъ, о которыхъ ходили слухи, не могли составить препятствіе, но кавалеріи съ ними пришлось бы считаться.

Уже вполнѣ начинался день, когда измученные эскадроны выбрались, наконецъ, изъ дебрей. Давъ лошадямъ немного „передохнуть“ и подтянувъ отставшихъ, отрядъ, насколько то позволяло утомленіе, быстро пошелъ впередъ. Оставалось еще версты 3. Въ виду уже самаго города, эскадроны, „выжимая“ послѣдки, понеслись галопомъ по острымъ глыбамъ замерзшей грязи.

Было хорошее морозное утро; лежащій за низкой болотистой долиной городъ окутанъ былъ клубившимся надъ землею туманомъ. Выходившее солнце окрасило его въ розовый цвѣтъ. Надъ нимъ только высились остроконечныя кирки. Если бы изъ города и наблюдали за мѣстностью, то, благодаря туману, эскадроновъ видѣть не могли, а они шли по дорогѣ заброшенной, по которой возили только изъ лѣсу дрова.

Отрядъ между тѣмъ шелъ уже по улицамъ предмѣстья. Городъ просыпался. На шумъ кое-гдѣ выбѣгали жители, но, увидя драгунъ, съ испугомъ бросались обратно во дворъ, тщательно запирая за собою калитки. Когда голова передового эскадрона выходила на площадь, около городской ратуши, раздались ружейныя выстрѣлы, гулкимъ раскатомъ пронесшіеся по совершенно еще пустой площади.

Эскадронъ спѣшился, выставилъ цѣпь стрѣлковъ; задній, спѣшившись тоже, выслалъ посты назадъ, вбѣжали въ ратушу. Въ пей было найдено довольно много ружей (по большей части хламъ) и 6 пушечекъ, заряженныхъ гвоздями, обрубками свинца. Эти пушки служили раньше городу для такъ называемой „виватной“ стрѣльбы во время разныхъ торжествъ, революціонеры ихъ приспособили, поставили на лафеты. Въ ратушѣ не нашли никого. Въ залѣ горѣли лампы и свѣчи; оказалось, въ ней только-что засѣдалъ Комитетъ—наступающій день имѣлъ ознаменоваться чѣмъ-то серьезнымъ и роковымъ для неугодныхъ революціонерамъ жителей. Услышавъ шумъ, члены Комитета съ предсѣдателемъ, приходившимъ объявить намъ бойкотъ, повыскакивали изъ окна прямо въ воду рѣченки, текущей подъ самой стѣною ратуши. Съ этой стороны окружить ее поэтому было нельзя, чѣмъ и воспользовались революціонеры. Свое избавленіе отъ изловленія со всѣми его неприятными послѣдствіями они купили принятіемъ холодной только ванны.

Предсѣдателя видѣли бѣжавшимъ по улицѣ совершенно мокрымъ.

Въ моментъ выхода эскадроновъ на площадь, въ одномъ мѣстѣ города шла расправа съ бывшимъ городскимъ головою—Адольфи. Ему нанесли нѣсколько ранъ холоднымъ оружіемъ въ домѣ, а послѣ вытащили на улицу и выстрѣлили ему изъ револьвера въ животъ. Вблизи ратуши (черезъ рѣчку, на соседней улицѣ) значительная толпа окружила квартиру пристава Буша, ломала дверь, окна, стрѣляла въ нихъ, требуя его выхода. Но приставъ заперся, рѣшивъ не даваться въ руки живымъ, онъ зналъ, что его ждетъ судьба Детловскаго. И эта рѣшимость спасла ему жизнь.

Интересно, что на улицѣ, около квартиры, мы нашли разбросанными много ружейныхъ патроновъ (отъ охотничьихъ ружей) съ разбитыми капсюлями, но изъ которыхъ выстрѣла не послѣдовало. Полюбопытствовали, разорвали нѣсколько картчей, но вмѣсто пороха—песокъ. Послѣ выяснилось: революціонеры обходили всѣ имѣнія „отбирать оружіе и патроны“. И вотъ управляющій одного, ожидая ихъ посѣщенія, снарядилъ на досугѣ много патроновъ съ пескомъ вмѣсто пороха. Явились революціонеры, потребовали выдачи. Хитрость удалась—иначе квартира пристава могла бы быть изрѣшета картчей, погибнулъ бы и онъ самъ. Случай! Много въ жизни дѣлаетъ случай!

Одновременно съ разставленіемъ постовъ и обыскомъ ратуши

ранѣе еще назначенная команда направилась къ казначею съ приказомъ немедленно собрать всѣ цѣнности и доставить ихъ къ отряду.

Такимъ образомъ, заданіе на половину было исполнено. Предстояло только доставить милліонъ (денегъ было столько) въ Газенпотъ. Но казначей сообщилъ, что ранѣе 2 часовъ дня онъ приготовить все къ увозу не успѣетъ. Многіе изъ голдингенцевъ, кому въ городѣ опасно было оставаться дольше, просили взять ихъ съ собою, но дать время собраться, достать лошадей. Отказать, конечно, было нельзя. И выступленіе, какъ то и не было досадно, пришлось отложить на нѣсколько часовъ.

Начальникъ отряда потребовалъ къ себѣ депутацію отъ города. Она скоро собралась.

„Утро сегодняшняго дня, сказалъ онъ ей, началось для города съ убійствъ. Первою жертвою палъ почтенный старикъ, котораго вы, цѣня, вѣроятно, его заслуги, сами же избрали не особенно давно своимъ представителемъ. Говорятъ, что только приходъ отряда положилъ предѣлъ дальнѣйшимъ убійствамъ, намѣченнымъ водворившимся здѣсь Революціоннымъ Комитетомъ. Не ставя отпора, вы ему подчинились, допустили разыграться преступной драмѣ съ такимъ достойнымъ человекомъ, какъ Детловскій. Противъ кого приготовлено (я это знаю) все нужное для баррикадъ, противъ кого заряжены найденныя мною въ ратушѣ пушки?

„Печальныя своими послѣдствіями событія, происшедшія въ Туккумѣ, Тальсенѣ и др. городахъ, а также творившееся послѣднее время и въ Гольдингенѣ дастъ мнѣ основаніе считать себя находящимся какъ бы въ непріятельской странѣ и быть готовымъ ко всему.

„Моему отряду придется пробыть здѣсь нѣсколько часовъ. Предупреждаю, если за это время въ кого-нибудь изъ насъ послѣдуетъ хоть одинъ выстрѣлъ, будетъ сдѣлана малѣйшая попытка помѣшать исполнить полученное мною приказаніе, я— сожгу вашъ городъ.

„Мѣры предосторожности мною приняты, но рекомендую и вамъ, господа представители города, сдѣлать то же. Совѣтую имѣть въ виду, что сюда скоро долженъ прибыть сильный отрядъ для сведенія счетовъ и возстановленія законнаго порядка. Поэтому новыми безумными выходками пусть жители Гольдингена не увеличиваютъ тяжести своей вины уже и за то, что случилось!“

Собственно говоря, этой „рѣчи“ можно было бы и не гово-

Ночь прошла спокойно. Время шло уже къ 3 часамъ дня. Отвѣта отъ начальства не было. Отдано было приказаніе готовиться къ уходу. Снова вывезли казначейство, собралось много экипажей съ убѣгавшими изъ Гольдингена; привезли и несчастнаго Адольфи; несмотря на тяжкія раны, онъ жилъ. Жители опять обратились съ горячей просьбой остаться еще „хотя на день“. Пришлось въ этомъ отказать. И въ городѣ началась снова паника.

Начальникъ отряда получилъ предупрежденіе, что на половинѣ прямой дороги въ Газенпотъ его ожидаетъ „нападеніе“ социалистовъ, рѣшили „отбить казначейство, истребить войска и ѣхавшихъ съ ними бариновъ и чиновниковъ“. Опасныя мѣста въ большихъ лѣсахъ предстояло проходить уже ночью. То обстоятельство, что при отрядѣ будутъ слѣдовать женщины, дѣти, раненый и онъ, отрядъ, растянется по узкой дорогѣ версты на двѣ, только озабочивало его начальника. Но уходить было нужно. Въ Газенпотъ можно ѣхать и по другой дорогѣ, удлинявшей путь на нѣсколько верстъ, но она зато не такъ лѣсиста. Засада ожидалась на первой. Рѣшено было слѣдовать по второй. Дороги эти расходятся въ самомъ городѣ, по этому планъ раскрывался сразу. Извѣщенная о принятомъ направленіи засада могла перейти на вторую дорогу (версть 6); все зависѣло отъ быстроты, но на нее рассчитывать было трудно.

Съ усиленными мѣрами охраненія пошелъ одинъ эскадронъ, за нимъ тронулся „обозъ“, настолько значительный, что для соблюденія въ немъ порядка пришлось назначить офицера и команду драгунъ. Шествіе замыкалъ другой эскадронъ. Отрядъ спѣшилъ пройти засвѣтло хотя первый особенно густой лѣсъ. Повозки сильно растягивались, особенно при подъемахъ, а по этой причинѣ отставалъ и тыльный эскадронъ, что было до крайности неудобно, если бы дѣйствительно случилось нападеніе.

Отъ города отошли уже около 7 верстъ.

Но вотъ тыльный эскадронъ далъ знать, что по дорогѣ мчится какой-то всадникъ, видимо догоняя строй. Остановились.

Всадникъ доскакалъ и подалъ бумажку; на ней карандашомъ было написано: „въ Гольдингенѣ получена телеграмма, чтобы отряду остаться въ немъ“. Оказалось, что содержаніе ея было передано по телефону въ им. Курмаленъ, около котораго отрядъ недавно прошелъ. Такъ какъ владѣлецъ его находился при отрядѣ въ качествѣ представителя отъ Газенпотской

полиціи, а всадникъ—его родственникъ, то вѣрить было можно. Отрядъ пошелъ обратно. „Бѣглецамъ“ это не понравилось—не хотѣлось имъ возвращаться въ Гольдингенъ. Нѣкоторые изъ нихъ рискнули было ѣхать дальше, но скоро встрѣченные выстрѣлами въ лѣсу должны были вернуться, отдѣлавшись только страхомъ.

Драгуны, не соблюдая уже мѣръ предосторожности, съ пѣніемъ входили въ городъ. На веселые звуки пѣсни изъ домовъ выбѣгали жители и радостно привѣтствовали возвращеніе ихъ. Но это было только на окраинѣ города. Ближе къ центру картина замѣтно мѣнялась. Прежде всего бросилось въ глаза то обстоятельство, что по улицамъ ходила толпа мужчинъ съ большими палками въ рукахъ. Солдатъ же не привѣтствовала, а смотрѣла на нихъ довольно таки не дружески. При всемъ томъ она быстро разсѣялась по боковымъ улицамъ.

Разсказывали послѣ, какъ только отрядъ скрылся изъ вида, на улицѣ появилась какая-то дѣвушка въ красной шапочкѣ и выстрѣлила изъ револьвера на воздухъ. Какъ бы ошпававшій этого сигнала на площади началъ собираться „народъ“; „мирные же“ въ страхъ попрятались. На балконъ дома, около котораго собирались митинги, вышелъ уже ораторъ. Но въ это мгновеніе вѣсть о возвращеніи драгунъ облетѣла городъ. Ораторъ благоразумно ретировался, а толпа начала расходиться. Не трудно догадаться, о чемъ бы говорилось на собраніи, и опасенія, высказанныя однимъ изъ депутатовъ, могли бы оправдаться... Полученная телеграмма гласила: „Разрѣшаю остаться въ Гольдингенѣ до среды 14 декабря“.

Жители рѣшили послать въ Либаву просить оставить эскадронъ подольше, до прихода ожидавшагося войска, о чемъ ходили все болѣе упорные слухи. Къ ходатайству города присоединился и начальникъ отряда; въ рапортѣ своемъ онъ писалъ: „настоящій моментъ благопріятенъ для возстановленія порядка—среди жителей замѣтна реакція, многіе не сочувствуютъ движенію, видя для себя отъ него только стѣсненія, но безсильны оказать отпоръ. Если городъ увидить, что власти бросаютъ его и теперь на произволъ повстанцевъ, то будетъ вынужденъ примкнуть къ революціи“.

Затрудненіе состояло въ томъ, какъ добраться посланному до Газенпота. Везти просьбу былъ выбранъ одинъ молодой человекъ—тотъ самый, который снарядилъ патроны съ пескомъ. Онъ какъ-то умудрился достать на чужое имя пропускъ

отъ революціоннаго комитета, съ нимъ и поѣхалъ, везъ просьбу законныхъ представителей города и рапортъ военнаго начальника... По дорогѣ его задержали, но предъявленный пропускъ подѣйствовалъ; только одинъ латышъ-повстанецъ усѣлся на козлы, а два—сзади крытаго экипажа, на доску, куда привязываются дорожныя сундуки. Подъ этимъ конвоемъ посоль гольдингенскій ѣхалъ долго;—цѣль конвоировація ему была непонятна. Когда экипажъ выбрался изъ лѣсовъ, храбрый юноша выстрѣлилъ изъ „браунинга“ въ сидѣвшихъ сзади латышей—разъ, два! Попалъ ли—неизвѣстно, только латыши и даже сидѣвшій на козлахъ повскакивали. Кучеръ погналъ прекрасныхъ лошадей. Посоль благополучно прибылъ въ Газенпотъ, а оттуда въ Либаву по желѣзной дорогѣ.

Въ Гольдингенѣ между тѣмъ была организована охрана, подѣлена на команды, къ нимъ было придано по нѣскольکو драгунъ. Два дня прошли въ ожиданіи отвѣта изъ Либавы. Въ городѣ, повидимому, водворялось успокоеніе.

Одинъ латышъ-домовладѣлецъ обратился съ просьбою собрать на площади митингъ. Послѣдніе были запрещены, но въ виду содержанія рѣчи, которую онъ предъявилъ на просмотръ, ему это было разрѣшено, хотя и было основаніе опасаться осложненій. Латышъ не скрывалъ, что онъ социалистъ, но „благонамѣренный“. Митингъ собрался. Благонамѣренный читалъ свою рѣчь съ балкона ратуши. Рядомъ съ нимъ стоялъ городской голова—законный и начальникъ отряда. Ораторъ убѣждалъ своихъ согражданъ не поддаваться злымъ напештываніямъ; признавая ненормальность положенія вещей, онъ совѣтывалъ только добиваться осуществленія необходимыхъ реформъ путемъ мирнымъ, такъ какъ кровавый, на который вступила страна, только отдаляетъ проведеніе въ жизнь свободъ, намѣченныхъ Высочайшимъ манифестомъ. Рѣчь свою латышъ окончилъ приглашеніемъ крикнуть „ура“ въ честь Государя Императора, Россіи—и за ихъ процвѣтаніе. Головы слушателей обнажились, они довольно дружно крикнули „ура“. Впрочемъ... рисковано было и не крикнуть. Это было довольно таки своеобразный митингъ. Въ ратушѣ около дверей, ведущихъ на балконъ, стоялъ трубачъ, готовый на знакъ начальника выйти и заиграть—тревогу. Не бы тотчасъ повторилъ другой, поставленный на противоположномъ углу площади. А на звуки тѣхъ трубъ іерихонскихъ вынеслись бы вполнѣ готовые къ тому эскадроны. Латыши это вѣрно подозрѣвали.

День 18 декабря близился къ окончанію. Никакихъ из-

вѣстій не приходило. Только позднимъ вечеромъ возвратился посланный изъ Либавы, не привезя опредѣленнаго отвѣта. Поэтому отрядъ долженъ былъ уйти на другой день утромъ. Снова начался совѣтъ представителей города. Неопредѣленность отвѣта начальства объяснялась тѣмъ, что посломъ отъ Гольдингена выбрали не одного изъ его представителей, а человѣка случайнаго, котораго разсказамъ въ Либавѣ не особенно давали вѣру. Поэтому рѣшили немедленно послать помощника городского головы и еще кого-то, а начальника отряда опять принялись умолять остаться и на 14 число. Приказаніе уйти именно 14-го было категорическое, не исполнить его было рисковано. Начальникъ отряда вначалѣ колебался, но сдался на аргументъ: „подъ отвѣтъ попадете, но можно и пострадать для блага многихъ“—и остался.

Слухи о подходѣ какого-то отряда ходили уже болѣе опредѣленные; съ ближайшей станціи (Стенденъ—со стороны Митавы) привезено было евреями извѣстіе, что тамъ ожидается прибытіе п высадка пѣхотнаго полка, драгунъ и артиллеріи.

Итакъ въ Гольденгенѣ мы остались, вопреки приказанію, и по 14 число, но 15-го твердо рѣшили уйти. Такъ какъ первый выходъ показалъ намѣреніе пойти не по главной дорогѣ, то на другой разъ латыши не дали бы себя провести. А стало достовѣрно извѣстно, что уже на двухъ дорогахъ собраны силы повстанцевъ, что они не пропустятъ отряда безъ борьбы. Она съ случайнымъ сбродомъ, кой-чѣмъ вооруженнымъ, не была, конечно, опасна довольно сильному для того отряду. Но все тѣ же обстоятельства, о которыхъ указано выше, осложняли дѣло. Отказать, не взять съ собою, напр., раненаго, который все еще жилъ, было конечно нельзя.

Долго начальникъ отряда ломалъ себѣ голову, какъ избѣжать нежелательнаго столкновенія. Но вотъ, проходя по улицѣ, онъ увидѣлъ, какъ въ одинъ дворъ юркнули два члена комитета. По прежнему своему пребыванію въ городѣ, онъ зналъ многихъ. Фамиліи же крамольныхъ дѣятелей послѣдняго времени ему были сообщены. Его осянула мысль; ибо революціонеры были лично имъ арестованы и посажены въ тюрьму. Кромѣ принадлежности ихъ къ составу комитета, за ними ничего преступнаго не числилось. Начальнику тюрьмы было сказано, чтобы онъ допустилъ свиданіе посаженныхъ съ родственниками.

Вечеромъ къ начальнику отряда явилась цѣлая депутація съ просьбою освободить арестованныхъ, такъ какъ они „ни въ

чемъ не повинны и къ движенію не причастны“. Но имъ показанъ былъ „пропускъ“ съ печатью революціоннаго комитета, подписанный членомъ его, какъ разъ однимъ изъ плѣненныхъ (пропускъ этотъ отобранъ былъ у латыша паканунѣ при обыскѣ). Депутація смутилась.

— Не отпущу, это важные преступники, ихъ ждетъ военный судъ. Впрочемъ... Я везу ихъ съ собою въ Газенпотъ. Если по дорогѣ на отрядъ будетъ сдѣлано нападеніе, они тотчасъ же будутъ убиты; если нѣтъ—подъ Газенпотомъ отпущу.

Въ числѣ просителей была и жена одного изъ арестованныхъ.

На другой день, часовъ въ 11 (все поджидали телеграммы) отрядъ выступилъ тѣмъ же порядкомъ и по той же дорогѣ.

Не доѣзжая версты до большого лѣса, голова отряда остановилась, чтобы подтянуть повозки и послѣ возможно быстро пройти его. Было доложено, что арестованные хотятъ говорить съ начальникомъ. Онъ подошелъ, отославъ въ сторону конвой.

— Господинъ командиръ, сказали они, дайте, пожалуйста, намъ лошадей и позвольте ѣхать верхомъ впереди.

— Зачѣмъ? Будьте со мною откровенны; ожидаете нападенія?

— Точно не знаемъ, но по всей вѣроятности. Мы, если позволите, поѣдемъ впереди и, если что замѣтимъ, дадимъ знакъ платкомъ.

— Поѣзжайте, но помните—это для васъ вопросъ жизни или смерти.

Латышей посадили на лошадей, поставили между солдатъ-часовыхъ и отправили въ передовой дозоръ съ офицеромъ, которому громко было отдано приказаніе при нападеніи прежде всего покончить съ ними. Одинъ изъ нихъ вынулъ изъ кармана платокъ и заложилъ за бортъ пальто—приготовился.

Втянулись въ лѣсъ. По выпавшему за день передъ тѣмъ небольшому снѣгу видно было много человѣческихъ слѣдовъ. Здѣсь проходила банда.

Отрядъ все шелъ и шелъ; никого не было видно. Благополучно миновали одинъ лѣсъ, послѣ другой, третій. Впереди уже не было опасныхъ мѣстъ. Остановились на привалъ. Дрожавшимъ отъ холода въ легкихъ пальто членамъ Гольдингенскаго комитета дали выпить, закусить.

— Пойдемте, я выведу васъ за цѣль часовыхъ и, согласно обѣщанію, отпущу, сказалъ имъ начальникъ отряда.

Эскадроны остановились на отдыхъ въ имѣніи, отъ замка

котораго остались только обгорѣлыя стѣны. Проходя около нихъ офицеръ сказалъ:

— Вотъ, господа, плоды вашей работы. Что этимъ достигается? Озлобленіе только! Вы безсмысленно истребляете чудныя старинныя постройки, богатые собранія рѣдкихъ вещей, библіотеки, архивы. Вѣдь, это достояніе не отдѣльныхъ бароновъ—это украшеніе и богатство страны, пожаръ—это варварство, первобытный способъ борьбы, онъ не дѣлаетъ чести культурному народу, каковымъ вы себя почитаете. Этимъ я не хочу сказать, что вы неправы въ своихъ стремленіяхъ; зачѣмъ только прибѣгать къ такимъ приемамъ! Вы лично одобряете это?

— Нѣтъ и нѣтъ! искренно сказали латыши, люди симпатичные и видимо добродушные. Но въ этомъ система борьбы, другой народъ не понимаетъ.

— Ну, оставимъ это. Отвѣтите мнѣ только еще на одинъ вопросъ. Даю слово, до времени отвѣтъ сохраню въ тайнѣ. Что сдѣлали съ Детловскимъ?

— Въ свою очередь даемъ вамъ слово,—не знаемъ. Было приказано доставить въ Либаву, исполнили. Послѣдствія намъ не извѣстны.

— Убить?

— По всей вѣроятности.

Въ Гольдингенѣ по уходѣ эскадроновъ разыгралась такая сцена. Къ уѣздному начальнику, оставшемуся въ городѣ уже въ полнѣйшемъ одиночествѣ (старшій помощникъ, приставъ, надзиратель уѣхали съ нами; городскихъ давно уже не было), явилась толпа и „приказала“ немедленно написать начальнику ушедшаго отряда предписаніе освободить увезенныхъ арестованныхъ—„въ противномъ случаѣ войска будутъ уничтожены“. Уѣздный начальникъ, какъ говорили, исполнилъ, предписаніе было написано и послано съ бывшимъ урядникомъ, облачившимся на этотъ случай снова въ форму. Урядникъ поскакалъ, но вблизи города же толпа его избила, отняла шашку. Хотѣли писать новую „бумагу“, послать новаго посла. Но къ тому же уѣздному начальнику чрезъ нѣкоторое время явилась снова толпа и объявила, что никакого предписанія уже не нужно, что „войска разбиты, уничтожены“.

Поздно вечеромъ прибыли въ Газенпотъ.

Начальника отряда выздоровѣвшій районный встрѣтилъ сильнѣйшимъ „разносомъ“ за „самовольство“, сообщеніемъ, что „объслушаніи“ уже донесено ген.-губернатору, и грозитъ судомъ.

Но о томъ, что, благодаря удачному выполнению порученія, съ его-то плечъ свалилась серьезная отвѣтственность, онъ умалчивалъ—опасность миновала. Между прочимъ начальство повыше, разсмотрѣвъ рапорты о дѣйствіи отряда, нашло поступки его начальника правильными.

Милліонъ казенный предполагалось на другой день отправить по жел. дорогѣ въ Либаву.

Глава XI.

Нападеніе на эскадронъ. — „Сраженіе“. — Разные эпизоды его. — Потери обѣихъ сторонъ. — Отношеніе жителей города къ раненымъ солдатамъ. — Цѣль нападенія. — Томительное положеніе гарнизона въ ожиданіи нападенія на Газенпотъ. — Рапортъ начальству. — Результатъ столкновенія повстанцевъ съ войсками.

Днемъ 16 декабря полиція доложила районному, что въ 9 верстахъ отъ Газенпота около ж. д. ст. Маріенгофъ, именно тамъ, гдѣ къ ней подходитъ грунтовая дорога на Либаву, стоитъ многочисленная вооруженная толпа съ красными флагами. Такъ какъ эта жел. дорога постоянно портилась злумышленниками, то думали, что и на этотъ разъ они собрались для той же цѣли. Въ виду того, что послѣднее время повстанцы вели себя необыкновенно дерзко, чуть не въ тѣсной блокадѣ держали самый городъ, то районный для ся разгона назначилъ 1 эскадронъ и 3 роты, т. е. большую часть свѣжихъ силъ (всего въ Газенпотѣ въ это время было 165 чел. пѣхоты и 200 драгунъ, считая и нестроевыхъ), но самъ командовать не поѣхалъ, поручивъ тому же офицеру, который вѣдилъ въ Гольдингенъ за казначействомъ.

Въ 11 ¹/₂ часовъ дня эскадронъ выступилъ изъ города—ранѣе ротъ и пошелъ рысью—спѣшилъ прибыть къ мѣсту, чтобы помѣшать портить путь жел. дороги; поэтому роты не скоро могли прибыть.

Въ верстѣ отъ города навстрѣчу попался вѣхавшій въ саняхъ молодой латышъ. Извѣстенъ онъ былъ намъ по Гольдингену, какъ одинъ изъ коноводовъ. Еще до выхода оттуда солдатъ, онъ какъ-то явился въ полицію съ предсѣдателемъ Комитета и безапелляціонно заявилъ: „въ Гольдингенѣ будетъ издаваться социаль-демократическая газета; я—редакторъ, а вотъ, указывая на предсѣдателя, издатель. На основаніи свободы слова, мы не нуждаемся въ „разрѣшеніи“, а заявляемъ вамъ, (уѣздному начальнику) „явочнымъ порядкомъ“. На всѣ вопросы

уѣзд. начальника онъ отвѣчалъ—„что вамъ до этого“. Даже на вопросъ, кто вы, какъ ваша фамилія, отвѣтилъ этою же фразою. Мы были при этомъ и ушамъ не вѣрили. Sic transit... Манифестъ прогремѣлъ, но трудно сразу отрѣшиться отъ того, съ чѣмъ человѣкъ свыкся...

Но уѣзд. начальникъ ничего, не приказалъ схватить, посадить, а принялъ заявленіе, подписанное „Издателемъ“ обѣ имѣвшейся издаваться газетѣ.

Появленіе „редактора“ соц. дем. органа въ Газенпотѣ, по дорогѣ, ведущей оттуда, гдѣ стояла вооруженная толпа, наталкивало на мысль, что затѣвается не совсѣмъ обычное, въ родѣ вполнѣ уже обычныхъ тогда порчъ жел. дорогъ, или тамъ разныхъ демонстрацій подъ сѣнью революціонныхъ знаменъ.

Верстахъ въ 3-хъ отъ Газенпота лежитъ довольно густой лѣсъ. Онъ узкій—около версты; вправо доходитъ до полотна жел. дороги, а влѣво тянется далеко и соединяется съ другимъ большимъ лѣсомъ

На половинномъ разстояніи и на изгибѣ дороги стоятъ большой сарай такъ, что заслоняетъ собою путь до лѣса со стороны города. Мы увидѣли, какъ лошадь, запряженная въ сани, выѣхала изъ-за этого сарая. Сидѣвшіе въ саняхъ два человѣка, замѣтивъ идущій эскадронъ, повернули назадъ и вскачь понеслись къ лѣсу. Это обстоятельство показалось подозрительнымъ. За уходившими поскакали драгуны и задержали. Ко всему этому скоро замѣтили, какъ въ лѣсу перебѣжало къ опушкѣ нѣсколько человѣкъ и залегло за деревья. Не оставалось сомнѣнія, что и этотъ лѣсъ занятъ. Продолжать движеніе въ конномъ строю прямо по дорогѣ было конечно нельзя. Предварительно нужно было выбить банду. Пѣхоты не было видно. Поэтому эскадронъ былъ спѣшенъ и стрѣлковою цѣпью направленъ въ лѣсъ. Съ опушки грянулъ въ нихъ залпъ, не причинившій вреда. Драгуны, не обращая на него вниманія, продолжали бѣжать и скоро вскочили въ опушку. Началась сильная перестрѣлка. Слышались отчетливо густые выстрѣлы охотничьихъ ружей и рѣзкое щелканье винтовокъ. Черезъ нѣкоторое время, постепенно отдаляясь, трескотня пошла по всему лѣсу. Являлось впечатлѣніе, что тамъ идетъ „великолѣпная охота“, какія курляндскіе бароны такъ любятъ устраивать.

Но вотъ нѣсколько драгунъ, медленно, осторожно ступая, вынесли изъ лѣсу убитаго наповалъ своего товарища. Черезъ минуту вынесли и положили на дорогу еще одного убитаго. Послѣ привели трехъ раненыхъ тяжело драгунъ и урядника

Калашикова, волонтеромъ пошедшаго въ лѣсъ. Итого шесть жертвъ. А выстрѣлы все не смолкали, только отдалялись. По ту сторону лѣса, на полѣ въ разныхъ мѣстахъ лежало много убитыхъ и корчившихся въ предсмертной агоніи латышей. Ближе къ опушкѣ въ лѣсу видно было также не мало труповъ, рѣзко выдѣлявшихся на свѣжномъ покровѣ.

А бойня все шла, только уже слышалось одно щелканье винтовокъ; рѣдко когда ружейный выстрѣлъ. Вправо по выходѣ изъ лѣса лежитъ небольшой перелѣсокъ, за нимъ полотно жел. дороги. Изъ него на буланомъ конѣ выѣхалъ латышь и, что-то крича, поскакалъ по опушкѣ—видимо отдавалъ приказанія. Одинъ драгунъ перескочилъ ровъ, понесся къ нему—и предводителя не стало, а также и еще нѣсколькихъ повстанцевъ, убитыхъ все тѣмъ же драгуномъ.

Изъ Газенпота примчался повѣздъ; полурота высадилась, рассыпалась въ цѣпь; но ей въ томъ мѣстѣ уже нечего было дѣлать, и она чрезъ нѣкоторое время снова усѣлась въ вагоны и укатила обратно. Безполезно только потрачено было топливо. Но въ лѣсу влѣво отъ дороги „охота“ продолжалась.

Едва драгуны, въ началѣ столкновенія съ бандой, вскочили въ опушку, какъ по нимъ открылась частая пальба. Первое мгновеніе въ довольно густомъ лѣсу солдаты не замѣтили латышей, лежавшихъ за кустами и деревьями. Но, оглядѣвшись, въ свою очередь начали стрѣлять и работать прикладами. „Забастовщики“ (такъ революціонеровъ называли солдаты) первые открыли огонь, убили ихъ товарищей—это обстоятельство привело драгунъ въ озлобленіе. Пощады не давалось. Повстанцы не выдержали натиска, обратились въ бѣгство, разсѣявшись по лѣсу. Съ этого времени началась уже бойня. Многие влѣзли на деревья, думая найти тамъ спасенье, и пораженные пулями сваливались на землю. Но нѣкоторые изъ латышей, отбѣжавъ нѣсколько, прятались въ кустамъ и стрѣляли въ солдатъ. Когда они, не замѣчая ихъ, пробѣгали впередъ; давали промахъ и съ раздробленными головами оставались лежать тамъ ужь мертвыми.

Латыши-драгуны, находившіеся у начальства подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ относительно своей благонадежности, проявляли выдающуюся жестокость. Такъ, одинъ изъ нихъ погнался за повстанцами и, стрѣляя на бѣгу, кричалъ по-латышски „стойте“. Бѣглецы, слыша родной языкъ, останавливались—ружья свои они давно уже побросали,—опустились на колѣни и говорили: „обжалуесь!“ (помилуй!). Солдаты прочель (по-ла-

тышски) наставленіе—что, молъ, вы измѣнники, бунтовщики, забыли присягу, товарищей нашихъ убили... и т. д. и спокойно, съ выдержкой убилъ всѣхъ 6 человекъ, не перестававшихъ молить о пощадѣ... Подобныхъ сценъ было не мало.

Пожилой уже латышъ приведенъ былъ молодымъ солдатикомъ въ качествѣ военнопленнаго (единственный случай). Увидя это, подбѣжалъ съ сильно окровавленнымъ отъ легкой раны въ лицо драгунъ и направляя винтовку въ трясущагося, какъ въ лихорадкѣ и упавшаго на колѣни пленнаго, кричалъ: Позвольте, Ваше Высокоблагородіе.—я его убью; такъ что меня ранили, нашихъ побили, то я его убью“. И не мало усилій пришлось употребить, чтобы спасти несчастнаго и успокоить озвѣрѣвшаго солдата.

Банда была выбита изъ лѣса. Но продолжать движеніе далѣе, къ Маріенгофу, „не обезпечивъ тыла“ — до прихода пѣхоты было нельзя. Къ тому же было неизвѣстно, вполнѣ ли очищенъ лѣсъ. По этому одному драгуну было приказано, быстро его проскакавъ, ѣхать навстрѣчу ротѣ и передать приказаніе спѣшить. Если въ лѣсу могли еще задержаться повстанцы, то ближайшая полоса къ дорогѣ, казалось бы, могла считаться безопасною. Но приказаніе „проскакать“ лѣсъ было удачно. Не успѣлъ драгунъ отскакать и сотни саженой, какъ въ него тутъ же, около самой дороги, послѣдовалъ выстрѣлъ. Но драгунъ, не задерживая лошади, въ свою очередь выстрѣлилъ изъ револьвера, не задолго предъ тѣмъ взятаго у повстанца, въ стоящаго подъ деревомъ съ дымящимся еще ружьемъ въ рукѣ латыша — пуля угодила въ переносье, и безумный храбрецъ, какъ подкошенный, рухнулъ на землю. Конечно, это былъ только случай, драгунъ, вѣрно, и не цѣлился.

Поданъ былъ сигналъ „сборъ“. Много разъ пришлось его повторить—солдаты увлеклись въ своемъ преслѣдованіи и не охотно возвращались къ эскадрону.

Тѣмъ временемъ подошла пѣхота. Ей было поручено еще разъ осмотрѣть лѣсъ и охранять его до возвращенія эскадрона, который и пошелъ впередъ, къ ст. Маріенгофъ. Позади же въ лѣсу снова скоро защелкали винтовки — пѣхота оканчивала „дѣло“, начатое драгунами.

Около станціи также была банда повстанцевъ. Лѣсистая мѣстность скрывала большую ея часть. Видно было только, какъ они небольшими группами разбѣгались въ разныя стороны. И здѣсь пало не мало латышей. Путь около станціи испорченъ не былъ. На подкрѣпленіе эскадрону изъ города прислано

было еще 50 драгунъ. Такимъ образомъ газенпотскій отрядъ почти весь выведенъ былъ противъ повстанцевъ. Въ „Главной Квартирѣ“ остался только его—начальникъ, рота и человекъ 40 драгунъ. Но все уже было окончено, подкрѣпленія были излишни. Собравъ и на этотъ разъ съ усиленіемъ драгунъ, они пошли обратно. Съ собою въ качествѣ трофеевъ повезли: военнопленнаго, упомянутаго буланаго коня и еще двухъ латышей, понавшихся по дорогѣ въ бричкѣ и показавшихся полиціи подозрительными.

Возвращавшійся отрядъ встрѣтилъ районный. Онъ „благодарялъ“ солдатъ „за усердную службу“...

Шедшая въ лѣсу стрѣльба отчетливо была слышна въ Газенпотѣ. Среди жителей-латышей, ходившихъ по городу, царило большое волненіе. Когда по улицамъ провозили убитыхъ и окровавленныхъ раненыхъ, латыши изъ этого, вѣроятно, заключили, что „войска“ побѣждены и не стѣсняясь даже кричали: „добейте ихъ, добейте“! И могли бы это сдѣлать, если бы вокругъ саней не шли съ заряженными ружьями солдаты. Раненыхъ повезли въ больницу, ихъ тамъ не приняли, фельдшеръ-латышъ, страха ради, уклонился даже подать первую помощь. И только послѣ долгихъ усилій удалось вахмистру пристроить окоченѣвшихъ отъ холода раненныхъ. Ихъ впрочемъ, изъ опасенія приведенія въ исполненіе „добейте“, скоро перевезли въ замокъ.

По собраннымъ послѣ полиціею приблизительнымъ свѣдѣніямъ было убито свыше ста человекъ. Но это число могло быть и больше—далеко не весь лѣсъ былъ осмотрѣнъ. Полиція труновъ не собрала, не хоронила, предоставивъ это населенію. Что касается числа раненыхъ, то оно совершенно неизвѣстно. Но по многимъ признакамъ и слухамъ должно было быть весьма значительно.

Съ какою цѣлью латыши устроили засаду? Это было послѣ вполне выяснено—чтобы завладѣть казначействомъ. Революціонный Комитетъ письменными распоряженіями, разосланными по волостямъ, приказалъ „отбить у войскъ похищенные ими народныя деньги“. Вначалѣ напасть предполагалось по дорогѣ изъ Гольдингена. Но, по какимъ-то соображеніямъ, 15 дек. нападеніе сдѣлано не было; „народъ“ Гольдингскаго у., подкрѣпленный собраннымъ въ Газенпотскомъ, переведенъ былъ за Газенпотъ, такъ какъ вожаки были увѣрены, что миллионъ на другой же день будетъ повезенъ въ Либаву, что, между про-

чемъ, районный и рѣшилъ было сдѣлать (по желѣзной дорогѣ въ 2 ч. дня).

Въ одной изъ волостей, какъ то извѣстно изъ полицейскаго протокола, старшина получилъ распоряженіе собрать народъ, но разорвалъ и умолчалъ о немъ—и ни одинъ житель той волости въ столкновеніи подъ Газенпотомъ не участвовалъ.

Нѣкоторые очевидцы рассказывали намъ, какъ по дорогѣ на подводахъ шумно вѣхали повстанцы къ Газенпоту, съ ивнѣмъ революціонныхъ пѣсенъ и какъ они же съ перевязанными ранами, теперь послѣ пробирались окольными путями во-свояси...

Планъ нападенія, вѣроятно, былъ таковъ: революціонерамъ не было извѣстно, повезутъ ли деньги по жел. дорогѣ или отправятъ съ отрядомъ по грунтовой. Послѣднее, по многимъ соображеніямъ, они имѣли основаніе считать болѣе вѣроятнымъ. Поэтому одну, болѣе многочисленную банду, они расположили въ ближайшемъ лѣсу, а другую поставили около Маріенгофа, о которой только и сдѣлалось извѣстно полиціи. Грунтовая дорога на Либаву подходитъ къ самой станціи, мѣсто около нея для засады и нападенія болѣе удобное—къ тому же и дробить имъ было бѣ ненужно. Первая банда, силою, какъ намъ казалось, около тысячи человекъ¹⁾ должна была неожиданно напасть на отрядъ, вторая произвести крушеніе поѣзда. Какъ утверждали послѣ свидѣтели, была еще одна довольно многочисленная банда, стоявшая гдѣ-то недалеко въ другомъ стратегическомъ пунктѣ подъ предводительствомъ того самаго студента-технолога, который намъ объявлялъ бойкотъ. При первомъ извѣстіи о пораженіи онъ, вмѣсто того, чтобы идти на выручку, бросилъ товарищей и бѣжалъ безъ оглядки, по примѣру вожака разбѣжались и послѣдніе. Не исполнилъ онъ своего торжественнаго заявленія о готовности умереть за народъ!

Въ печальной памяти для курляндскихъ латышей день 16 декабря „жертвою пали въ неравной борьбѣ“ (драгунъ было, не считая коноводовъ, человекъ 60) лишь рядовые повстанцы; многихъ изъ нихъ погналъ въ банду только терроръ. Люди же „идеи“, ихъ вожаки, щадили свою жизнь, могущую пригодиться для того, чтобы устроить въ будущемъ хотя бы еще... такую же бойню.

Никакого осмотра окрестностей не дѣлали; а это было соб-

¹⁾ Относительно числа повстанцевъ, собранныхъ подъ Газенпотомъ, ходили послѣ разнорѣчивые слухи; многіе, по достовѣрнымъ источникамъ, утверждали, что собрано ихъ было до десяти тысячъ. Судя по всему, это число могло быть не особенно преувеличено.

ственно необходимо уже въ виду того, что въ лѣсу могли остаться раненые. Вообще не было предпринято ничего въ этомъ отношеніи. Но рекогносцировка была еще необходима въ видахъ полнаго разгона бродившихъ партій для довершенія того дѣла, за которое взялись. Полагались на полицію, которая собирала свѣдѣнія чрезъ своихъ тайныхъ агентовъ. На другой уже день она сообщила о присутствіи вблизи города небольшой банды. Разгонять ее послали отрядъ. На этотъ разъ во главѣ его сталъ и самъ раіонный. Такъ какъ мы отъ участія въ немъ уклонились, то приводимъ подлинное донесеніе къ г. губернатору.

„Допошу, что 17 дек. въ небольшой березовой рощѣ, лежащей въ 3 вер. отъ города по дорогѣ на им. Кацдангенъ, появилась банда злоумышленниковъ. Для ея разсѣянія были высланы 2 роты пѣхоты и полъэскадрона драгунъ. При приближеніи войска, былъ открытъ слабый огонь, не причинившій никакого вреда. Наступленіе цѣпи пѣхоты вызвало бѣгство злоумышленниковъ, при чемъ изъ нихъ былъ убитъ 1 человекъ (пѣхота открыла огонь за версту).

Вполнѣ уже выяснилось, что окрестные лѣса, весьма близко лежащіе около города, наполнены бандами вооруженнаго народа; даже на ночь онѣ остаются тамъ. Сегодня ночью производилась сигнализациа сильнымъ бѣлымъ огнемъ, своего рода прожекторъ. Работа сигнализациа продолжалась съ 9 ч. вечера до 1¹/₂ ч. ночи. Или это сигнализациа, или попытка заманить войска въ засаду. Прежде шли слухи, что народъ собирается, чтобы завладѣть Газенпотомъ. Они теперь оправдались. Теперь пошли еще упорнѣе слухи, что ожидается подходъ народа изъ дальнихъ волостей и сосѣднихъ уѣздовъ, чтобы задавить отрядъ массою, и что нападеніе генеральное назначено на 20 дек. Подъ вліяніемъ этихъ упорныхъ слуховъ, игнорировать которыми нельзя, приходится все время быть въ напряженномъ состояніи. Всѣ силы ввѣреннаго мнѣ отряда идутъ на самоохраненіе: все идетъ въ нарядъ, особенно ночью, что при стоящихъ морозахъ весьма тяжело отзывается на нижнихъ чинахъ. И это тяжелое положеніе усиливается неизвѣстностью, какъ долго оно продолжится. Долго держать отрядъ въ такомъ положеніи трудно. При нашествіи народа, если таковое случится, удержать городъ нашему отряду едва-ли удастся. Придется всѣмъ отступить въ им. „Шлоссъ-Газенпотъ“ и уже защищать себя. Опасаться за цѣлость отряда нѣтъ особеннаго основанія“.

По обыкновенію, раіонному донесеніе соотряпали.

Сигнализациа „сильнымъ бѣлымъ огнемъ“, о которой упоминается въ немъ, была не болѣе, какъ отблескъ дѣйствительно прожектора, но — работавшаго въ Либавскомъ военномъ портѣ (версть 40). Не разъ приходилось видѣть и послѣ эти бѣлые снопы свѣта, двигающіеся надъ горизонтомъ.

„Упорные слухи“ о подходѣ народа—не оправдались; „генеральнаго нападенія“ не произошло. Наоборотъ, какъ о томъ скоро удостовѣрила и полиція, всѣ лѣса совершенно очистились отъ бандъ, проѣздъ по дорогамъ сталъ возможенъ. Даже злополучную жел. дорогу перестали портить, и движеніе по ней возстановилось нормальное (подъ охраною пѣхоты).

Вообще 16 декабря можно считать поворотнымъ въ ходѣ развитія активнаго вооруженнаго возстанія. Движеніе конечно не утихло — успокоеніе такими средствами не достигается, но воинственный пылъ латышей все-таки достаточно былъ охлажденъ. Приходилось слышать отъ нихъ же и сѣтованія на вожаковъ за то, что послѣдніе, не взвѣсивъ шансовъ на успѣхъ, погнали довѣрчивый народъ въ лѣсъ, а сами, отдавъ распоряженіе, во время скрылись, бросивъ ихъ на бесполезную жертву разсвирѣпѣвшихъ солдатъ, а послѣ карательныхъ отрядовъ и правосудія.

Такъ какъ Газенцотскій гарнизонъ, боясь ослабленія, не рѣшился выдѣлить изъ своего состава, отрядъ для доставки казначейства въ Либаву, то изъ крѣпости чрезъ нѣсколько дней были присланы за нимъ нѣсколько ротъ пѣхоты, казаки, пулеметы. Само собою, подъ охраною такихъ почтенныхъ силъ, милліонъ благополучно былъ доставленъ въ безопасное мѣсто.

Злополучныя это были деньги. Много изъ-за нихъ пережито было волненій, много крови было пролито!

ГЛАВА XII.

Прибытіе карательныхъ отрядовъ. — Дѣятельность ихъ. — Рѣчь къ представителямъ отъ волости. — Результатъ энергичнаго дѣйствія. — Репрессіи. — Смирненіе латышей. — Вымогательства революціонеровъ. — Отношеніе ихъ къ „народнымъ“ деньгамъ.

Конецъ декабря прошелъ безъ особенныхъ происшествій. Тѣмъ временемъ въ край прибыло много войска. Они постепенно отвоевывали обратно города и уѣзды. И въ Гольдингенъ скоро послѣ нашего оттуда ухода прибылъ, наконецъ, отрядъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшійся частью населе-

нія. Отрядъ прибылъ въ составѣ цѣлаго пѣхотнаго полка, 2-хъ эскадроновъ и батареи артиллеріи (изъ Ломжинской губ.)

Не доходя двухъ верстъ до города, этотъ карательный отрядъ остановился за р. Виндавой и выслалъ на рекогносцировку драгунъ. Не получая отъ нихъ долго донесенія и подозрѣвая не доброе, онъ послалъ въ городъ въ качествѣ еще развѣдчика—гранату; она сорвала крышу одного домика, но человѣческихъ жертвъ себѣ, къ счастью, не нашла. Тогда жители въ паническомъ ужасѣ поспѣшили изъявить покорность и вручили побѣдителямъ „ключи города“.

Въ м. Фрауэнбургъ (45 вер. отъ Гольдингена) пришли 4 эскадрона (изъ Гродненской губ.) и тотчасъ же ознаменовали свое прибытіе разстрѣломъ нѣсколькихъ коноводовъ возстанія.

Съ этого времени въ краѣ началась „дѣятельность карательныхъ отрядовъ“, при участіи прикомандировавшихся къ нимъ на роляхъ помощниковъ уѣзднаго начальника — представителей частью именитаго дворянства. Съ удивительной энергіею, подогрѣваемые местию за сожженные замки, принялись они искоренять крамолу — ловили и допрашивали сотни латышей, систематически прибѣгая къ большому „пристрастію“. И съ этого времени въ Митаву посыпались телеграммы съ перечисленіями разстрѣлянныхъ „важныхъ агитаторовъ“. Сжигались рядомъ съ этимъ и крестьянскія усадьбы главныхъ причастныхъ къ движенію лицъ, чужь бѣду, скрывшихся при прибытіи карательныхъ отрядовъ.

Расправа чинилась долго, очень долго. Лишь въ началѣ ноября 1906 г. послѣдовало „распоряженіе начальникамъ карательныхъ отрядовъ впредь не примѣнять тѣлесныхъ наказаній и не сжигать усадебныхъ строеній, а въ случаѣ совершенія преступленій предавать виновныхъ военно-полевому суду“.

Нагнавъ страхъ въ Гольдингенѣ, отрядъ для той же цѣли перешелъ въ Шрунденъ (въ Гольдингѣ для поддержанія водвореннаго порядка были оставлены, сравнительно, небольшія силы). Въ составъ его изъ Газенпота командированы два эскадрона. Шрунденская волость была одна изъ безпокойныхъ.

Прежде всего приказано было собрать всѣхъ усадебовладѣльцевъ. Они покорно явились къ крыльцу дома, гдѣ расположенъ штабъ отряда. Пришли пѣхотные солдатки съ заряженными ружьями и тѣснымъ кольцомъ, плечо къ плечу, окружили перепуганныхъ латышей. Вышелъ начальникъ отряда и

при помощи переводчика обратился къ нимъ съ рѣчью. Онъ упрекалъ въ томъ, что они, почтенные по возрасту люди, слушались безусыхъ мальчишекъ, совершили столько незаконныхъ поступковъ, пошли съ оружіемъ въ рукахъ въ лѣса и не остановились даже предъ нападениемъ на войска. Объяснилъ имъ всю несостоятельность тѣхъ средствъ, которыми они пытаются осуществить свои чрезмѣрные требованія.

Начальникъ отряда въ заключеніе своей рѣчи, объявилъ латышамъ требованіе — назвать всѣхъ агитаторовъ и членовъ революціоннаго комитета подъ угрозой: „если черезъ 30 минутъ (данныхъ имъ на размышленіе) это не будетъ исполнено, то... Сказавъ это, онъ ушелъ.

Признаемся, мы были смущены. — „А что, если не выдадутъ?“ — спросили мы. Угроза эта, конечно, не входила въ планъ, это вырвалось сгоряча, такъ какъ ее сказалъ человекъ добрый, просвѣщенный и гуманный, но вспыльчивый. Нѣкоторое смущеніе было замѣтно и въ немъ: онъ, вѣрно, думалъ: „вотъ будетъ штука, если не выдадутъ! Не исполнить — подрывъ авторитета и пр.“. Можно было съ увѣренностью сказать, что онъ этого никогда бы не сдѣлалъ. Знаяшій же хотя отчасти латышей, могъ утверждать, что они выдадутъ. Мы это и утверждали.

Не прошло и получаса, какъ требуемый списокъ былъ врученъ. Правда, почти всѣ названныя въ немъ лица при приближеніи войскъ скрылись. Латыши нашли выходъ; поименованныя же члены комитета и безъ того хорошо были извѣстны.

Населенію было объявлено еще требованіе: въ теченіе 2 дней сдать все оружіе. И это было исполнено. Оружія снесено было очень много. Между нимъ только не было тѣхъ прекрасныхъ ружей, которыя революціонеры забрали въ замкахъ, да прославившихся браунинговъ.

Водворивъ видимый порядокъ въ Шрунденской волости, карательный отрядъ выслалъ въ сосѣднія волости небольшіе карательные же отряды (составъ ихъ 1 рота пѣхоты, $\frac{1}{2}$ эскадрона, 1 орудіе). Такъ какъ намъ лично, благодаря большой любезности начальника отряда, удалось уклониться отъ командованія такимъ отрядомъ и вообще отъ участія въ „караніи“, то подробно говорить о дѣятельности ихъ не можемъ. Творили они расправу, съ „важными агитаторами“ („важность“ оцѣнивалась полицейскими чиновниками - добровольцами), сжигали усадьбы, но особеннаго усердія, надо отдать справедливость, въ этомъ дѣлѣ не проявляли.

Пробывъ 6 мѣсяцевъ въ Курлянди, мы приглядѣлись уже къ видамъ труповъ, особенно пожаровъ—весь край пылалъ все время. А между тѣмъ, когда гдѣ-либо не далеко назначалось подобное аутодафе и отрядъ къ вечеру выходилъ на это дѣло, мы съ какою-то безотчетною тревогою прислушивались — вотъ грянуть роковые три выстрѣла и небо оварится зловѣщимъ заревомъ. Не всѣ взирали такъ! Всякій разъ, когда отрядъ уходилъ жечь усадьбы, къ начальнику отряда обращались съ просьбою „позволить“ имъ вѣхать, чтобы посмотрѣть, полковой докторъ и полковой священникъ, любители сильныхъ ощущеній; между прочимъ, люди очень симпатичные и добрые.

Сосѣдняя съ Шрунденской волость, стоявшая по части водворенія порядка на очереди, поспѣшила обратиться съ такою просьбою:

Его Высокородію Господину Командиру Военнаго Отряда
въ им. Шрунденъ.

Депутаціи Ранкенскаго Волостного Общества
всепокорнѣйшее прошеніе.

„Сего дня 19 янв. 1906 г. по предписанію Г. Комиссара по крестьянскимъ дѣламъ Гольдингенскаго у. былъ созванъ всеобщій волостной сходъ для выбора волостныхъ должностныхъ лицъ; въ присутствіи Г. Комиссара выборы прошли въ полномъ порядкѣ.

По окончаніи выборовъ, по предложенію члена Общества Кристь Биренмана и съ разрѣшенія Г. Комиссара всѣми членами схода былъ пропѣтъ государственный гимнь. Собравшіеся члены Общества и присутствующіе дворохозяева высказали свое глубокое сожалѣніе на всѣ незаконныя происшествія и преступныя дѣйствія, которыя здѣсь были произведены нѣкоторыми членами Общества и нѣкоторыми другими прибывшими и мѣстными жителями; обѣщались и обязывались болѣе не поддаваться заблужденіямъ, незаконнымъ и преступнымъ дѣйствіямъ; обѣщались и обязывались болѣе не допускать, чтобы агитаторы свои хитрыя рѣчи и ученія здѣсь распространяли; обѣщались и обязывались въ концѣ и впредь до послѣдней капли крови быть вѣрными и послушными подданными своему Государю.

Одновременно волостной сходъ выбралъ изъ среды своей депутацію, состоящую изъ членовъ Общества: крестьянъ Кристь Биренмана, Аныса Зидера и Яна Гринберга и волостного пи-

саря Тендаре Дельвига и поручили депутации отъ волостного Общества выразить Вашему Высокородію выше высказанное сожалѣніе и обѣщаніе дать подробныя объясненія и всепокорнѣйше просить Ваше Высокородіе помиловать Раякенское волостное Общество и заблудившихъ членовъ его и облегчить дворохозяевъ отъ поставки подводъ и доставки сѣна и овса. Кромѣ того еще просить разрѣшить собираться дворохозяевамъ для обсужденія своихъ экономическихъ нуждъ, особенно относительно чрезмѣрныхъ требованій и невыносимыхъ цѣнъ жалованія батракамъ“.

Всѣ арестованные, содержавшіеся въ имѣніи, гдѣ стоялъ отрядъ, по большей части изъявили полное раскаяніе и часто плакали при допросахъ. Всѣ оны, какъ сами говорили, являлись только жертвами подстрекателей, скрывшихся при однихъ слухахъ о приближеніи войскъ. Агитаторы, показывали арестованные, слонялись по волостямъ, производили поборы съ народа и не дурно себѣ вообще жили, не имѣя никакого имущества и не неся никакого труда. За рѣчи свои на митингахъ они получали плату; а послѣ произнесенія ихъ не гнушались, какъ послѣ представленія комедіанты, съ шляпой въ рукѣ обходить толпу еще и за добровольными подаваніями. При одномъ обыскѣ въ наши руки переданъ былъ очень обширный „списокъ членовъ с. д. партіи Гольдинггенскаго у.“, съ указаніемъ мѣстъ жительства и суммы слѣдуемаго съ cadaго взноса на „народное“, надо полагать, дѣло.

Вотъ маленькое доказательство того же: къ одному аптекарю явились „делегаты“ съ приказаніемъ вынуть изъ оконъ двойныя рамы, „чтобы народу было удобнѣе стрѣлять въ солдатъ“, прибытіе которыхъ ожидалось. Аптекарь приказанія не исполнилъ и чрезъ нѣкоторое время получилъ смертный приговоръ отъ „соц. дем. союза“ за подписью и его печатью: „Такъ какъ вы шпионъ, донесите на народъ (о „приказаніи“ аптекарь хранилъ молчаніе), то вы и приговорены къ смерти. Но... это дѣло еще можно уладить—вы должны внести въ народную кассу 80 р. и въ теченіе 20 дней о томъ никому не говорить“. Но упорный аптекарь долго не внесъ въ „народную кассу“. Исполненія приговора не послѣдовало, по крайней мѣрѣ въ теченіе болѣе мѣсяца, послѣ—не знаемъ.

Вообще революціонныя власти не особенно стѣснялись съ „народными“ деньгами. За время владѣнія волостными кассами, они присвоили себѣ общественныя деньги. Въ волости Торма, напр., исчезли такимъ образомъ 8.000 р.; то же и въ Ригѣ въ

рабочихъ кружкахъ говорили о растратѣ „собранныхъ съ рабочихъ для революціонныхъ цѣлей суммъ“ (изъ „Спб. Вѣдомостей“).

Среди арестованныхъ была и одна женщина — Ева Блумъ; ее впрочемъ тотчасъ и отпустили, хотя она и была выбрана членомъ комитета. Ева Блумъ увѣряла, что избраніе произошло помимо ея желанія. Для характеристики интересно и слѣдующее заявленіе властямъ одной крестьянки: „меня избрали членомъ волостного правленія, я отказывалась. Однако это не помогло, я должна была *терпѣть* избраніе противъ своей воли; такъ какъ я въ дѣлахъ ничего не понимаю и мнѣ всего 19 лѣтъ, то я не знаю, что дѣлать, и сторонилась отъ всего, а потому прошу“...

Къ начальнику отряда въ Шрунденѣ поступило также прошеніе и отъ латышей, уклонившихся отъ осенняго набора. Въ немъ они заявляли, что, „понимая долгъ своей предъ государствомъ“, стремились его исполнить, т. е. своевременно явиться на сборные пункты, но не могли—не позволяли революціонеры и за ослушаніе грозили смертью. Въ заключеніе просили дать имъ возможность добраться до воинскаго начальника. Дѣйстви-тельно осенній наборъ далъ ничтожный процентъ принятыхъ.

Все, что послѣ творилось, намъ не извѣстно. Послѣдовавшій по Военному Вѣдомству приказъ разрѣшилъ увольненіе офицеровъ въ отставку, запрещенное по случаю войны. Имъ мы не преминули воспользоваться и съ великимъ чувствомъ облегченія покинули Курляндію ¹⁾).

Е. А. Альбовскій.

¹⁾ Статья эта была окончена въ концѣ 1906 года. Послѣ, изъ судебныхъ процессовъ о попавшихъ въ руки властей революціонеровъ, автору сдѣлались извѣстны нѣкоторыя подробности, но онъ не вносилъ ни добавленій, ни измѣненій, такъ какъ писалъ только то, чему былъ самъ свидѣтель и какъ ему тогда представлялись событія; къ тому же они и не измѣнили бы изложеннаго.

Письмо Генерала отъ инфантеріи А. І. Іевреинова о сооружеіи памятника побѣдамъ Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ.

Помѣщая письмо А. І. Іевреинова, приглашаемъ читателей
„Р. С.“ откликнуться на памятникъ побѣдамъ Румянцева.

Редакція.

Среди историческихъ событій, имѣвшихъ выдающееся значеніе въ жизни нашей родины, несомнѣнно однимъ изъ важнѣйшихъ былъ побѣдоносный походъ великаго нашего полководца П. А. Румянцева къ Дунаю въ 1770 году, походъ, ознаменованный первыми нашими блестящими побѣдами надъ турками при Ларгѣ и Кагулѣ.

Этотъ выдающійся подвигъ Румянцева и доблестныхъ его соратниковъ, которымъ поистинѣ можетъ гордиться Русскій народъ, до сихъ поръ не увѣковѣченъ постановкой памятника на Ларгинскомъ полѣ сраженія. Лишь разрушенные валы, да заплывшіе рвы молчаливо свидѣтельствуютъ о славной побѣдѣ, одержанной здѣсь нашими предками.

Полагая, что постановка хотя-бы скромнаго памятника на этомъ полѣ является неперемѣннымъ долгомъ нашимъ по отношенію къ великому полководцу и славнымъ войскамъ, пролившимъ здѣсь кровь свою и одержавшимъ побѣду, я, при содѣйствіи лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, намѣреваюсь осуществить въ ближайшемъ будущемъ сооружеіе памятника.

Для сбора средствъ, необходимыхъ для постановки монумента, издана брошюра „Походъ Румянцева къ Дунаю въ 1770 году“, составленная секретаремъ Одесскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-историческаго Общества, Полковникомъ Генеральнаго Штаба И. М. Андріановымъ, писателемъ, получившимъ извѣстность своими популярно написанными военно-историческими трудами. Названная брошюра заключаетъ яркое описаніе замѣчательнаго похода Румянцева въ 1770 году и обрисовываетъ значеніе этого похода.

Чистый доходъ отъ этого изданія поступить въ фондъ по сооруженію памятника.

Цѣна иллюстрированной брошюры 80 копѣекъ за экземпляръ.

Съ заказами прошу обращаться въ г. Кишиневъ по моему адресу.

Льщу себя надеждой, что Вы не откажете сдѣлать посильную помощь святому дѣлу увѣковѣченія памяти нашихъ предковъ героевъ, оросившихъ своею кровью поля Бессарабіи, впервые сломившихъ здѣсь грозныя силы турокъ и вписавшихъ своими подвигами столько славныхъ страницъ въ исторію нашего великаго отечества.

Александръ Левреиновъ.

